

Из окружающей ее тьмы белым пятном проступило лицо, и в его глазах она увидела свою смерть. Она хотела закричать и не могла, замороженно глядя в эти глаза. Он чуть склонил голову, наблюдая за ней без злобы или удовлетворения, скорее с интересом. Наблюдал, как из нее уходит жизнь, как будто не хотел пропустить того момента, когда человек вдруг становится ничем. Когда еще мгновение назад живое существо вдруг превращается в... останки. Она нашла в себе силы усмехнуться этому слову, внезапно пришедшему на ум. Останки чего? Ее дурацких надежд, нелепой жизни. Жизни, которая ей принадлежала только наполовину, как и ее лицо. Неожиданно она ухватилась за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. «Какое нелепое сравнение», — вдруг подумала она и тут же увидела себя в бурном потоке. Вот вода заливает ей рот, глаза, а она судорожно хватается все, что оказалось рядом с ней в этом водовороте: какие-то ветки, торчащие из воды, с мокрой слипшейся листвой, — и вместе с собой тащит их на дно. Вместе с собой...

«Я могу ему сказать, я могу! — решила она и даже приоткрыла окровавленные губы. Вкус собственной крови приводил ее в смятение, она вновь отказывалась верить, что все это происходит в действительности. Так много в ее жизни было придуманного, ненастоящего, что теперь собственную величайшую трагедию она отказывалась принимать всерьез. «Я скажу ему, и все прекратится, — подумала она, пытаясь не замечать его глаз, в которых читала свою смерть. — Он не убьет меня, он

решил проверить мои слова, а значит, сохранит мне жизнь. По крайней мере на какое-то время. Главное, выиграть время. Главное, главное...» И тут другая мысль пришла ей в голову, едва не рассмешив: сегодня, сейчас сбылась ее мечта — она наконец-то стала той, кем хотела быть все эти долгие годы. Для него, по крайней мере, так и есть. Невероятная насмешка судьбы. Плата за ничемную жизнь. Ей захотелось кричать теперь уже не от боли, а от дикой, испепеляющей жалости к себе. «Я не хочу! — в отчаянии подумала она. — Еще есть время, я все смогу, все успею, лишь бы сейчас, сию минуту не превратиться в бесчувственное ничто!»

Она пыталась ползти, ей казалось, она прикладывает невероятные усилия, чтобы сделать несколько движений и уйти от его глаз, но на самом деле все так же лежала, замерев в позе эмбриона. И вдруг — это движение ей далось совсем легко — ее взгляд переместился вниз, и она увидела свои окровавленные руки и собственные внутренности на бетонном полу. Крик ужаса замер в ее горле, она зажмурилась и мысленно зашептала как молитву: «Скорее, скорее умереть».

* * *

За моей спиной хлопнула подъездная дверь, а я воззрилась на небо, ожидая подвоха от петербургской погоды. На небе ни облачка, солнце радуется своим присутствием. Очень может быть, что долгожданная весна действительно явилась слегка внезапно. Впрочем, город знаменит тем, что погода здесь по-особенному капризна. Я взглянула на зонт в своей руке, крепкий, основательный, способный противостоять сильному ветру и оттого довольно тяжелый, и с грустью подумала: вот так всегда — если оставляю его дома, то непременно попаду под дождь, вымокну, подхватю насморк, а потом, любясь в зеркале своей физиономией с покрасневшими носом и глазами, в очередной раз дам клятву никогда не

покидать дом без зонта, а если возьму его с собой, то он мне, разумеется, не понадобится. Мало того, я непременно забуду его в каком-нибудь кафе, куда придется спешно возвращаться, проклиная свою рассеянность и питерскую погоду.

Петербург не был моим родным городом, но я любила его больше всех городов на свете, вот только погода... Закинув зонт за спину (он у меня на длинном ремешке), я зашагала со двора, миновала арку, вышла к бывшему клубу «Спартак», который несколько лет назад пострадал от пожара и до сих пор стоял с заколоченными дверями и окнами, и оказалась на Фурштатской.

В начале Кировной, где я живу, растет лишь одно дерево, его крона гордо выглядывает из навеса, что рядом с магазином (в навесе специально сделали отверстие). Я обожаю этот город, но родилась в краях, где хватает места и людям, и деревьям, и, чтобы лишний раз не видеть странный симбиоз растения и магазина, предпочитала ходить по Фурштатской. Особенно сейчас, когда пригретые солнышком деревья готовы подернуться зеленоватой дымкой, чтобы вдруг, в один момент, обзавестись листвой.

На 13.20 у меня была назначена встреча. До нее оставалось еще довольно времени, и я зашла в кофейню — тут же, на Фурштатской, чтобы выпить капучино. Я устроилась возле окна, прихлебывала кофе и размышляла о преимуществах свободной профессии: не надо спешить в офис, страшась нагоняя от сердитого босса за очередное опоздание. Впрочем, в каждой профессии есть свои плюсы и минусы, хотя в настоящее время минусов в своей жизни я не видела.

Вообще у меня все складывалось вполне неплохо, если не считать замужества. Полгода я пыталась приспособиться к совершенно чужому человеку, решив, что он спасет меня от глупых мыслей и подоспевшего вслед за неудачной любовной историей пессимизма. Полгода ушло на то, чтобы понять очевидную глупость данной

затеи. Любовные драмы не лечат замужеством, если твой избранник попросту тебе безразличен. Мой муж о моем безразличии не догадывался и не мог взять в толк, чего это вдруг на меня нашло, когда я заговорила о разводе. Развод перешел в затяжную позиционную войну, в которой я несла потери, так как муж был к тому же моим непосредственным начальником на работе. Одному богу ведомо, чем бы все закончилось, если бы мне в голову не пришла счастливая мысль уехать в Петербург. Точнее, если бы моей дальней родственнице, проживавшей там, не пришла фантазия завещать мне квартиру, о чем я узнала с удивлением. Но тут же я усмотрела в этом намек от господина — мол, хватит заниматься ерундой, и через месяц уже работала в весьма солидной петербургской газете. Я считала журналистику своим призванием, за исключением очень краткого периода, когда вообразила себя великим русским поэтом. Но город, встретивший меня вполне гостеприимно, неожиданно внес свои коррективы: я занялась переводами и вполне преуспела в этом. Доставшуюся в наследство квартиру в районе проспекта Энергетиков я вскоре смогла поменять на двухкомнатную на Кирочной и теперь жила в свое удовольствие: ни тебе начальства, ни графика работы, ни ожидания вождя отпусков. По старой памяти я сотрудничала с несколькими газетами, и как раз сегодня должен был выйти мой очерк в одной из них.

Я взглянула на часы, отодвинула пустую чашку, поднялась, накинула куртку, напомнила себе, что я с зонтом, и вышла из кафе. Возле метро в киоске спросила газету, женщина пожалала плечами:

— Еще не привезли.

Я бодро зашагала в сторону улицы Восстания, время позволяло к месту встречи добраться пешком. Солнце сияло, в небе ни облачка, люди, с подозрением косясь на небо, нерешительно улыбались, пытаясь понять: верить или не верить заявившейся в город весне, а я начала испытывать странное беспокойство. Предчувствия

являлись ко мне часто и никогда не обманывали. Поначалу я решила, что моя маета относится к предстоящей встрече, — ничего путного из нее не выйдет, и вместо выгодного заказа я буду иметь неприятные воспоминания. Но встреча прошла прекрасно, и в смысле выгоды полный порядок. Оттого предчувствия насторожили еще больше: ничего на этот день у меня больше не было запланировано. Вот и гадай теперь, какую пакость подготовила мне судьба.

Я шла по Литейному в сторону своего дома, когда мне позвонила Алка.

— Эй, ты где? — спросила она.

Алка курила практически беспрестанно, оттого голос ее звучал хрипло, точно она с трудом успевала что-то сказать между приступами кашля.

— Иду домой.

— Что тебе там делать? Я в пиццерии на Невском, давай сюда.

— А в пиццерии мне что делать? — съязвила я.

— Есть пиццу, разумеется. Между прочим, мы не виделись неделю, я соскучилась. А ты, конечно, обо мне даже не вспоминала?

— А кто тебе звонил вчера четыре раза?

— Так это по делу. А для души?

— Ладно, буду через пятнадцать минут, — буркнула я, меняя направление.

В пиццерии Алка с видом мученицы разглядывала свои ногти. Она поцеловала меня и кивнула на газету, которая лежала на столе возле ее локтя.

— Читала. Ты молодец. Слушай, почему бы тебе не написать книгу?

— Детектив? — усмехнулась я и потянулась за газетой. Но тут подошла официантка, и я сделала заказ.

— Нет, серьезно, — вновь заговорила Алка, как только девушка отошла. — По-моему, тебе есть что сказать миру.

— Лучше он от этого не станет.

— Как знать, как знать...

Алка была на семь лет старше. Поэтому она считала своим долгом меня опекать, вбив себе в голову, что я трачу время на ерунду и оправдывает меня лишь то, что ерунда приносит неплохие деньги.

— Грех зарывать в землю свой талант, — изрекла она сурово.

Я пожала плечами:

— Я сильно сомневаюсь в его наличии.

На эту тему Алка могла говорить бесконечно. Как все лодыри, она не терпела, когда рядом кто-то не выказывал особого рвения к работе. Должность замредактора в бульварной газетенке ее вполне устраивала, и в своей жизни менять она ничего не собиралась.

— У тебя полно талантов, — махнула она рукой, точно мать на нерадивое чадо. — И не вздумай возражать. Иногда я даже думаю, что для одного человека их слишком. Если не считать неудачного замужества...

— Ты забываешь грустную историю моей любви, — засмеялась я. — Я ведь тебе рассказывала?

— Раз десять, я полагаю.

— Вот видишь. Мне не везет с мужчинами. Зато везет с деньгами. Сегодня точно повезло.

Пока мы ели пиццу, я поведала Алке о сегодняшней встрече и своих перспективах. Она кивала, невнятно мыча в ответ что-то одобрительное.

— Жаль, что обед заканчивается, — вздохнула Алка. — Так бы сидела и глазела в окно...

— Вряд ли бы тебя хватило надолго.

— Все-то ты знаешь, — хмыкнула она. — А очерк действительно хороший. Знаешь, иногда я непроизвольно тобой восхищаюсь.

Алка поцеловала меня на прощание и заспешила к выходу. Я понаблюдала в окно, как она переходит улицу. Когда она растворилась в толпе, я еще немного поглазела без всякой цели, потом придвинула к себе газету. Те времена, когда я с трепетом ждала публикации своих творений, давно канули в прошлое, но некое волнение все равно присутствовало. Сегодня оно усугубля-

лось предчувствием. Непонятным, оттого еще более раздражающим. Пока я болтала с Алкой, оно вроде бы отступило, зато теперь навалилось с новой силой. Невероятно, но руки у меня дрожали, когда я разворачивала газету.

— Черт-те что! — усмехнулась я. Даже если очерк безбожно сократили, забыв поставить меня в известность, это не повод так нервничать.

Через несколько минут стало ясно: никто на очерк не посягнул. Никакого карательного редактирования, все, как я задумала. В самом деле не без таланта, и фотография отличная. Весьма интеллигентное лицо, никто не сможет назвать меня безмозглой красоткой, хотя ради этого и пришлось водрузить очки на нос. Маленькая женская хитрость. Вот они лежат в сумке. Слава богу, вещь для глаз совершенно бесполезная, зато в смысле создания подходящего образа незаменимая.

Я насмешливо хмыкнула, вместе с тем продолжая гадать над причиной своего беспокойства. Оно не только не исчезло, но даже после того, как я убедилась, что очерк оставили в первозданном виде и фотография не подкачала, уверенно перерастало в состояние легкой паники. «Может, я уютю забыла выключить?» — подумала я. Самое бы время после такой мысли вскочить и бежать домой сломя голову, если б не одно обстоятельство: уютю я извлекала из шкафа минимум три дня назад. Это я точно помнила. Однако домой все-таки потянуло.

Я намеревалась уже сложить газету, и тут взгляд мой упал на соседнюю страницу. То есть он и до этого туда падал, но лишь теперь задержался на крохотной заметке с фотографией в черной рамке. Молодая женщина с моим лицом улыбалась мне со снимка, сделанного лет пять назад.

— Идиотизм, — произнесла я вслух. Хорошо хоть себе под нос. Таковое определение относилось к черной рамке, что обрамляла лицо. Светке ничего не стоило выкинуть дурацкую шутку, которую и шуткой-то сочтет лишь такой же больной на всю голову.

Смотреть на свое лицо в черной рамке было неприятно. Сходство в самом деле поразительное. Если б не блузка с рюшами (такой просто не могло быть в моем гардеробе), я бы могла подумать, что кто-то позаимствовал фото из моего архива. Заметка имела подзаголовок: «Памяти нашего товарища Старостиной Светланы». Шутки так далеко не заходят. Кстати, у меня были то же имя и фамилия, пока я не вышла замуж. После развода я оставила себе фамилию мужа: причиной послужило мое желание избавиться от Светки. Вообще избавиться таким образом от нее было немыслимо, но, по крайней мере, мы стали носить разные фамилии. Правда, я ожидала со дня на день, что она выйдет замуж за какого-нибудь гражданина Алексева только для того, чтобы вновь стать мною. «Она сумасшедшая», — с печалью подумала я, разглядывая фотографию. Перед глазами плясали буквы, которые весьма неохотно складывались в слова, такие же дурацкие, как Светкина затея быть мною. Как все ее затеи.

— «Памяти нашего товарища», — повторила я и наконец заставила себя прочитать, что там дальше, все еще не веря, что имею дело с мрачной реальностью, а не с очередной идиотской Светкиной выходкой. — «Обнаружен труп... убита в конце ноября прошлого года журналистка, работавшая в нашей газете... талантливый поэт... при невыясненных обстоятельствах... вышла в свет книга очерков... добрый, светлый человек... до сих пор неясно, кому была выгодна ее смерть, правоохранительные органы... в очередной раз приходится констатировать, что следствие не дало никаких результатов...»

Это не могло быть шуткой. Светка действительно погибла. Несколько месяцев назад. Была убита в моем родном городе за сотни километров отсюда. Неудивительно, что я ничего не знала. Кто-то из журналистов случайно узнал об этом, и вот появилась заметка в газете, в которой когда-то Светка работала.

Газета лежала на столе. Две фотографии напротив друг друга — ее и моя. И если б не очки на моей, сходст-

во было бы абсолютным. По крайней мере, на снимках. Светка будто смотрела на меня — на ту, что на фотографии, и загадочно улыбалась, а я пыталась решить, что это: случайность или указующий перст судьбы.

Разумеется, те, кто верстал газету, не знали о наших странных, чрезвычайно запутанных отношениях, но мне было трудно поверить, что это случайность: мой очерк на одной странице и заметка о Светкиной гибели на другой — как закодированное послание. И еще эти фотографии... Даже сама весть о гибели Светки не подействовала на меня так, как данное обстоятельство. И после смерти она не желала оставить меня в покое, отчаянно цепляясь за меня, не позволяя вырваться.

Я поняла, что уже довольно долго сижу, пялясь в газету, безуспешно пытаюсь справиться с сердцебиением и подкатившей тошнотой. Официантка с недоумением поглядывала в мою сторону. Я заставила себя встряхнуться, достала мобильный и набрала номер редакции. Лена ответила сразу.

— Что тебе не понравилось? — с намеком на удивление спросила она.

— Мне? А... нет, все просто отлично. Я звоню по другому поводу.

— Неужто спасибо сказать?

— Спасибо, — буркнула я машинально. — Здесь на шестой странице заметка о гибели Светланы Старостиной.

— Так и есть. Она работала в нашей газете.

Лена пришла в редакцию уже после Светкиного увольнения и о нашей истории вряд ли знала.

— Мы когда-то вместе работали, — заметила я.

— Вот как?

— Да. Не могла бы ты поподробнее рассказать, что произошло?

— История совершенно дикая. Ее убил какой-то маньяк. Поначалу была версия, что убийство заказное, но вроде бы она не подтвердилась. Хотя кто знает... В любом случае убийца настоящий псих. Говорят, он

распорол ей живот. Можешь такое представить? Мишка узнал о ее убийстве из Интернета. Вспомнили, что она работала у нас, вот и написали заметку. Ты ее хорошо знала?

— Более чем.

— Могу соединить тебя с Мишкой. Только вряд ли он знает больше. Наверное, лучше позвонить в редакцию, где она последнее время работала.

— Я так и сделаю. — Я поблагодарила и поспешно простилась, не отрывая взгляда от фотографии. Распластилась и вышла на улицу.

Особых мыслей в голове моей не наблюдалось. Зато присутствовало странное оцепенение и еще более странная пустота в душе, точно я потеряла близкого человека, хотя еще три года назад мне казалось, что я сама готова убить Светку. Разумеется, это сильное преувеличение, но жизнь она мне портила основательно и умело.

История эта началась давно, несколько лет назад. Я тогда училась на четвертом курсе факультета журналистики и по мере сил «звездила», потому что, по общему мнению, бог даровал мне не только красоту, но и талант. Слишком много для одного человека. Все давалось мне легко и без усилий. Парни влюблялись если не с первого взгляда, то со второго обязательно, педагоги меня обожали и прочили большое будущее, губернские газеты охотно печатали мои статьи, а главные редакторы с нетерпением ждали, когда я закончу университет и осчастливию их издание своим присутствием. Предложений было хоть отбавляй. Прибавьте к этому папу банкира, который хоть и развелся с мамой, но, должно быть, чувствуя себя виноватым, тратил на меня деньги без меры, что позволяло мне снимать квартиру в центре с выходом на крышу (я гордо именовала ее пентхаусом), раскатывать на собственной машине и проводить каникулы на Средиземноморье. В общем, не жизнь у меня была, а голубая мечта всех

девиц, предмет острой зависти сокурсниц, которые увлеченно обсуждали фасон моей новой юбки и мой очередной роман.

Не думаю, что в то время я была совсем уж безмозглой дурой и такая жизнь мне нравилась. То есть нравилась, конечно, но я надеялась, что вовсе не для этого господь отправил меня в этот мир. Я ждала окончания университета и свято верила, что жизнь моя наполнится тогда смыслом. Иными словами, что есть у меня предназначение...

Я едва не угодила под машину, не заметив красный свет светофора. Водитель махнул рукой, уступая дорогу, а я машинально улыбнулась. Воспоминания так увлекли, что ничего вокруг я попросту не замечала. А между тем на улицах большого города стоит быть внимательнее. Остановить такси? Но я сразу же отказалась от этой мысли, а потом поняла, что не хочу домой. У меня давняя привычка думать на ходу — чем глубже я погружаюсь в свои мысли, тем быстрее шагаю, иногда развивая прямо-таки фантастическую скорость. Моя мама, помнится, всегда нервно ожидала, наблюдая за мной, что я впечаталюсь лбом в дверной косяк.

Я направилась к Потемкинскому саду. Шла знакомой улицей, не узнавая ее. Странное состояние неожиданного провала во времени... Все-таки удивительно, что смерть Светки так на меня подействовала. А я ведь могла о ней и не узнать, если бы не случайность, если бы не мой очерк в газете... Случайность? Откуда у них ее фотография? Вряд ли из личного дела. Впрочем, у нее была своя страничка в Интернете, стихи, которые ей не принадлежали, рассказы, бестолково пересказанные.

Я вдруг с удивлением поняла, что готова разреветься. Такого со мной не случалось с похорон отца! Неужто наша связь со Светкой была крепче и много сильнее, чем я могла себе вообразить, и эта странная пустота — следствие внезапной утраты? Да, я могла ничего не узнать или узнать, скажем, через несколько лет в разговоре с каким-нибудь общим знакомым. «Ты помнишь

Светку Старостину? Она еще так смешно тебя копировала... Так вот, она умерла. Или ее убили... В общем, какая-то запутанная история». Что бы я почувствовала в этом случае? Недоверие, удивление, растерянность? Или ту же пустоту?

— Я ее терпеть не могла, — произнесла я вслух, а молодой человек, что шел навстречу, посмотрел на меня с недоумением. Сейчас я, наверное, очень похожа на Светку. У нее всегда был слегка очумелый вид, точно она ненароком повстречала привидение и теперь пыталась решить, что это: глюки от неумеренного употребления спиртного или дело еще хуже?

Напиваться до чертиков на студенческих вечеринках считалось у нас хорошим тоном. Впрочем, вряд ли мы в этом смысле проявляли большую оригинальность. На одной из таких вечеринок я и познакомилась со Светкой. Итак, четвертый курс, я в апофеозе всеобщего вни-мания и радужных ожиданий, папенькина дочка, сорящая деньгами, рядом очередной поклонник, я решаю: отдаться ему сегодня или еще немного помучить? Допиваю коктейль, смотрю на него поверх бокала с загадочной улыбкой и сама себе безумно нравлюсь. Любимое слово «шикарно», любимое изречение «пусть этот мир прогнется под нас». Напротив самый красивый парень на нашем курсе, папенькин сынок, тоже подающий надежды, и я внезапно решаю: «отдамся». А утром я насмешливо скажу, что эта бурная ночь еще не повод для знакомства. Тогда я все решения принимала внезапно и никогда о них не жалела. Жуткая смесь Маты Хари и кисейной барышни.

Так вот... Музыка гремит, вокруг мелькают лица, я готова произнести «я хочу тебя», и вдруг мой сценарий летит к чертям. Первое незапланированное вторжение Светки в мою жизнь. Мой спутник произносит:

— Кстати, хочешь, познакомлю тебя со Светланой Старостинной?

Я еще загадочно улыбаюсь и, пытаюсь избавиться от опьянения, намереваюсь понять, что за чушь он гово-

рит. Светлана Старостина — это я. И, разумеется, другой такой нет и не может быть во вселенной.

— Нет, серьезно, хочешь? Учится на первом курсе. Вы даже похожи. Конечно, ей до тебя далеко, но все равно прикольно.

До меня наконец доходит, что он не шутит.

— На первом курсе? На нашем факультете?

— Ну да. Ты не знала? Правда не знала?

— Нет.

Весь мир вращается вокруг меня, на кой черт миру еще одна Светлана Старостина? Кстати, саму себя я называла Лана. То есть так стала называть меня мама. Папа дал мне имя в ее честь, а потом в семье решили, что это не так уж и удобно. Мама осталась Светланой, а я стала Ланой. К восемнадцати годам никому и в голову не приходило называть меня Светой.

— По-моему, она чокнутая, — с воодушевлением продолжает мой кавалер. — С придурью, это уж точно. И она всех о тебе выспрашивает. Я думал, ты знаешь.

— Что знаю? — хмурюсь я.

— Ну... все это. Она где-то здесь, я ее видел на входе. Познакомить?

— Зачем, скажи на милость? — удивилась я.

Он пожимает плечами:

— Да так, прикольно.

Эта девица меня совсем не занимает. Довольно забавное совпадение: два человека с одинаковыми именами и фамилиями оказались на одном факультете. Ну и что? Не скажешь, что Старостина такая уж редкая фамилия, а об имени и говорить нечего. И ее интерес ко мне вполне объясним: во-первых, первокурсникам до всего есть дело, во-вторых, обо мне ходят легенды. Так что... не вижу повода для знакомства. Хм, я все-таки произнесла заготовленную фразу, хоть и по другому случаю.

Разговор о неведомой девице прекращается, но настроение у меня испортилось, и я решаю, что Славке, тому парню, что сидит напротив, сегодня ничего не об-

ломится. А возможно, и завтра тоже. И вообще никогда. Будет знать, как болтать глупости.

Однако в тот вечер мне все-таки пришлось познакомиться со Светкой. Мне надоели шум и пустые разговоры, и я собралась уходить, а Славка, естественно, вызвался проводить меня. Мы пробирались между столиков к выходу, поминутно останавливаясь, чтобы переброситься парой слов со знакомыми, и вот тогда я увидела ее. Девушка лет семнадцати, худая до жути, с льяными волосами, рассыпанными по плечам, с дурацкой искусственной розой лилового цвета за ухом, сидела за столом, поджав под себя ноги, и, раскачиваясь в такт, громко декламировала «Девушка пела в церковном хоре...». Похоже, занималась она этим довольно давно, голос слегка охрип, слушателей по соседству не наблюдалось. На нее вообще не обращали внимания — может, привыкли, а может, сторонились как чумной. Вокруг орала, курили, смеялись, танцевали — обычная студенческая оргия в самом разгаре, а она, прикрыв веки, раскачивалась все сильнее и пыталась переорать этот гам. Амплитуда колебаний выглядела угрожающе, по идее, она уже должна была свалиться со стула.

Я замерла в двух шагах от нее, ожидая, свалится она в конце концов или нет. Славка налетел на меня, пробормотал извинения и, обнаружив предмет моего интереса, наклонился, прошептал мне в ухо:

— Это она.

К тому моменту я и сама догадалась. Определение «с придурью» ей очень подходило. Особого сходства я между нами не обнаружила, и это было уже хорошо. Прикрыв глаза еще больше и наблюдая за мной из-под полуопущенных ресниц, девушка начала декламировать другое стихотворение — длиннющее, явно собственного сочинения: «Тихо ковбой поет о ненастье заунывную песню техасских бродяг». Ничего нелепее и бездарнее придумать невозможно, но она читала с огромным воодушевлением и явно для меня, а произнеся последнюю строчку, сделала паузу и даже открыла глаза.

— Стихи твои? — спросила я.

Девушка вызывала странное чувство: брезгливую жалость пополам с любопытством. Так иногда прохожие поглядывают на жуткие язвы нищих, уверяя себя, что они поддельные, и все-таки надеясь, что настоящие.

— Мои, — гордо ответила она, глядя мне в глаза.

— Дрянные, — кивнула я, но без насмешки или презрения, просто констатировала факт.

— Я знаю, — вздохнула Светка. — Ты тоже стихи пишешь?

— Пишу.

— Почитай, — улыбнулась она.

— Здесь? — подняла я брови.

— Почему бы и нет? — Она вроде бы меня провоцировала, проверяла на прочность.

— Знаешь основное правило удачи? — спросила я. — Оказаться в нужном месте в нужное время. И избегать неподходящих мест.

— Чем это место плохо? — задиристо спросила она.

— Горло можно сорвать, — ответила я и пошла к выходу.

Славка топал рядом.

— Как она тебе? — спросил он уже возле гардероба.

— Нормально, — пожала я плечами. — Очень хочет выпендриться, но не умеет.

По части выпендриться сама я была непревзойденной мастерицей. Светка вынырнула из-за моей спины.

— А улица подходящее место? — спросила хмуро.

Я сама виновата. Надо было идти себе мимо, а не задаваться вопросом, свалится она со стула или нет.

Несмотря на задиристый вид, чувствовалось, что она очень боится моего категоричного отказа. Разумеется, если я ее сейчас пошлю, она гордо вскинет голову или скажет весело: «О'кей, в следующий раз», — но ей зачем-то очень надо было со мной поговорить.

— Ладно, — кивнула я, удивляясь своей покладистости. — Идем.

И мы вышли из бара.

— Может, на такси? — робко предложил Славка. Перспектива двигать пешком пять троллейбусных остановок, при этом слушая декламации юных прелестниц, его явно не прельщала. То, что ничего ему не обломится, он уже понял и, как нормальный человек, хотел выжать из ситуации максимум пользы: побыстрее добратсья до квартиры и завалиться спать.

— Отправляйся, мы прогуляемся, — милостиво ответила я.

Славка только вздохнул. Как джентльмен, он не мог допустить, чтобы в полночь девушки шлялись по улицам без мужского сопровождения. Он незаметно отстал, а мы со Светкой не спеша двигали в направлении моего дома. Я прочитала три своих стихотворения, Светка слушала затаив дыхание, полуприкрыв глаза, всем своим видом демонстрируя восторг. Впрочем, выглядела вполне искренне.

— Здорово, — пробормотала она, когда я закончила.

— Для студентки журфака вполне, — кивнула я.

— Нет, у тебя в самом деле талант.

— Способности, — поправила я. Это не было рисовкой. Конечно, некое кокетство присутствовало, но свои способности я оценивала довольно трезво.

— Если бы я могла писать такие стихи... — прошептала Светка.

— Да, и что?

Мой вопрос вызвал у нее легкую растерянность.

— Я была бы счастлива, — наконец ответила она упрямо. — У тебя есть талант, и ты относишься к нему как к чему-то само собой разумеющемуся. А для меня... Я обожаю поэзию.

— Это я заметила, — улыбнулась я.

— Нет, серьезно! Я люблю поэзию больше всего на свете, а пишу дрянные стихи. Я бы черту душу продала, чтобы иметь талант!

Я посмотрела на нее очень внимательно. Разумеется, она говорила ерунду, но тогда впервые я почувство-

вала некую опасность, исходящую от нее. Уж очень убежденно она произнесла последние слова.

— Это плохая идея, — все-таки сказала я.

— Продать душу дьяволу?

— Ага. Никогда не знаешь, что получишь взамен.

— Талант.

— А если он не принесет тебе счастья?

— Принесет.

— Ты будешь писать талантливые стихи, которые никому не нужны и которые никто не будет читать. И что тогда? Дьявол — великий путаник, я бы не стала на него полагаться.

— А я попрошу славы и признания, — лукаво улыбнулась она.

— Значит, у тебя другая проблема, — ответила я. — Для славы талант необязателен. То есть нужен талант другого рода.

— Нет, я в самом деле хочу писать хорошие стихи. Вот это мне, кстати, нравится. — Она задушевно прочитала небольшое стихотворение, сентиментальное и бездарное, и забежала вперед, заглядывая мне в глаза: — Ну как?

Я пожала плечами:

— Вполне.

— Тебе понравилось?

— Нет. Но если хочешь, я могу соврать, мне не трудно.

— Не хочу. Я их сожгу.

— Глупости. Потом будешь жалеть.

— Гоголь...

— Держи себя в руках, ты не Гоголь.

Вряд ли ей это понравилось, но она лишь вздохнула. Еще меньше все это нравилось Славке, который понуро брел за нами, пока мы наконец не замерли возле моего дома.

— Как ты будешь добираться домой? — спросила я Светку и тут же повернулась к Славке: — Проводишь ее?

— Мне же в другую сторону, — обиделся он.

— Деньги на такси есть? — задала я ей очередной вопрос.

— Не беспокойся, — отмахнулась она. Стало ясно, что о такси я спросила зря. А ведь уже половина второго ночи...

— Ладно, идем ко мне, — решила я, открывая дверь подъезда.

— И я? — спросил Славка.

— И ты, если мы еще не надоели тебе своей болтовней.

Через полчаса Славка уже спал на диване, а мы со Светкой продолжили разговор на кухне, засидевшись за чаем до четырех утра.

Утром опоздали на лекции. Наше появление втроем не осталось без внимания.

Однако примерно неделю новое знакомство никак на мою жизнь не влияло. Иногда мы сталкивались в коридорах университета, здоровались, Светка мне торопилась что-то сказать, но я всегда спешила и практически не бывала одна, так что не очень-то она преуспела. Правда, кое-что я смогла узнать о ней за это время: живет в общежитии, приехала из районного городка, из рабочей семьи, но зачем-то врала, что из Екатеринбурга, где отец большой начальник. Явную нестыковку с официальными документами объясняла тем, что родители в разводе. Вранье быстро раскусили, и теперь над ней посмеивались. О загранице она знала из цветных буклетов, что бесплатно раздают в турфирмах, а все ее тряпки куплены на местной барахолке, да и этих тряпок было совсем немного. С какой стати я начала ее жалеть, не знаю. Вранье я не жаловала, и то, что она стесняется своей семьи, казалось мне глупым и неприятным, но, когда через неделю я обнаружила ее возле своего дома с томиком Рильке под мышкой, в цветастой юбке, мокасинах, блузке с рюшами и соломенной шляпке, которой место на помойке, я подумала: а ведь и Светкина шляпка, и дурацкие рюши, и ее взгляд с поволокой, и все это

глупое притворство — истошный крик: «Посмотрите, я не такая, как все!» И прижатый к боку Рильке — чистое лицемерие, потому что томик был на немецком, а Светка не знала толком даже английского, который учила в университете. Все, все в ней было насквозь фальшивым, но это не вызвало отвращения, только жалость. И я сказала ей:

— Заходи.

Потом ее появления стали частыми, затем ежедневными, пока я с изумлением не обнаружила, что она уже некоторое время живет у меня. Она окружила меня обожанием, которое тяготило. Она была непереносимо банальна и претенциозна, а я не могла по-настоящему разозлиться, потому что свято верила: «Мы в ответе за тех, кого приручили», и эта формула — руководство к действию на все времена. Я пыталась растолковывать Светке вещи, понять которые она была не в силах, потому что не имела привычки думать. Но мои труды не прошли даром — она сдала сессию вполне сносно. Потом вдруг подстриглась, как я. Я не возражала, тем более что стрижка ей шла. Она носила мои тряпки — я никогда не жадничала. Она флиртowała с моими парнями — меня это не волновало. Даже, застав ее с телефонной трубкой в руках, когда она старательно имитировала мой голос в беседе с одной из знакомых, я не увидела в этом ничего особенного, списав на забавную шутку.

Впервые я рассердилась по-настоящему, застав ее роющейся в моих письмах. Меня неприятно поразило выражение ее лица: жадное, какое-то ненасытное. Лицо упыря.

— Эй, — позвала я, — тебе никто не говорил, что приличные люди не читают чужих писем?

— Ланочка, — запричитала она, — ты уже пришла? А я картошечки сварила. Будешь обедать?

— Ты не ответила на вопрос, — напомнила я.

— Что?

— Еще раз сунешь свой нос куда не просят, по носу и получишь.

На лице ее отразился испуг пополам со страданием. Весь вечер она усердно изображала поруганную невинность, однако, против обыкновения, это не вызвало у меня приступов угрызений совести.

К тому времени я уже окончила университет и работала в одной из губернских газет, а также на телевидении. Поскольку то, что было между мной и Светкой, вряд ли можно назвать дружбой, то будет правильнее сказать так: после истории с письмами появилась первая трещина в наших отношениях. А вскоре произошла и первая ссора, затем они следовали одна за другой. Я ожидала, что Светка переберется в общежитие, но она замолкала, удалялась в комнату, которую считала своей, а через час появлялась, чтобы как ни в чем не бывало снова демонстрировать свою бесконечную любовь ко мне.

В конце концов это стало нелепым, и я прямо указала ей на дверь. Последовала жуткая истерика, а вслед за этим неудачная — или, правильнее сказать, показушная? — попытка самоубийства. Светка перерезала вену на руке, потом минут пятнадцать бегала от меня по квартире, не давая взглянуть на рану и сделать перевязку, а когда я, громко хлопнув дверью в досаде, удалилась на улицу, она сама вызвала «Скорую».

Разумеется, история получила огласку. Нас записали в лесбиянки. А к чему еще можно отнести такое идиотское поведение? Вместо того чтобы вычеркнуть Светку из своей жизни, я возила ее в больницу на перевязки и позволила еще полгода продолжаться этой глупости.

По большому счету, мне следовало сказать Светке спасибо, потому что именно она заставила меня взглянуть на свою жизнь критически, что называется, под другим углом зрения. Она являлась пародией на меня, иногда злой пародией, часто смешной, и в какой-то момент я увидела себя: претенциозную, взбалмошную, с резкими безапелляционными суждениями, мало что смыслящую в жизни, но много и со вкусом о ней говорящую. Я с таким жаром рассуждала о том, как надо

жить, а жила как все. Может, комфортнее, может, было во мне чуть больше самодовольства, чем в других, но все-таки — как все. В один прекрасный момент я все это увидела, ужаснулась и, как водится, впала в затяжную депрессию.

Я продолжала ходить на работу, но без удовольствия, я даже писала стихи, но скорее по привычке — в них все больше звучала разочарованность, затянувшаяся подростковая грусть о несбыточном, а жизнь вдруг начисто лишилась смысла. Чтобы его найти, я то лезла в горы с приятелями-альпинистами, то отправлялась в Индию — медитировать и искать озарения, благо деньги папы поездки в дальние страны позволяли. Смысл маячил на горизонте, но в руки не давался.

Положительным во всем этом было то, что Светка, как ни хотела, угнаться за мной не могла, хотя и пыталась. Надеялась присутствовать в моей жизни постоянно и зримо, но все чаще оставалась за бортом. Она писала мне письма, то жалкие, то гневные, а я с удовлетворением сознавала, что дистанция между нами увеличивается.

Примерно тогда произошла встреча с человеком, которая резко изменила мою жизнь. Не знаю, прибавилось ли в ней смысла, но, возможно, навязчивая раньше мысль о нем просто перестала меня волновать. Я много разъезжала по стране, а возвращаясь домой, писала очерки — не для денег, просто мне это нравилось, и все чаще забывала позвонить Светке, чтобы сообщить о своем очередном приезде или отъезде, убежденная, что и она интересуется мною скорее по привычке. Оттого ее внезапное появление в месте, где я в то время пребывала, за тысячу километров от родного города, вызвало у меня легкий шок. Шок относился к тому факту, что она смогла меня найти, так как свое местопребывание я не афишировала.

Поначалу я решила, что это случайность, которые иногда бывают в жизни, но Светка убила надежду в зародыше, сообщив, что приехала ко мне. Закатила очередную истерику, точно жена непутевому мужу, а я в от-

вет на это посоветовала ей катиться ко всем чертям. Она рыдала под дверью битых три часа, но в тот раз я проявила завидную твердость — открыла дверь только для того, чтобы вручить ей деньги на обратный билет. Она грозилась броситься под поезд, но домой отправилась.

Полгода мы не встречались, и я начала о ней забывать. В очередной раз вернувшись в родной город, я, проходя мимо городского Дворца культуры, увидела скромную афишу. «Презентация книги Светланы Старостиной «Тайники души», — значилось на ней. Против воли я притормозила, разглядывая афишу. Следовало бы сходить на презентацию, проявить интерес, так сказать, хотя ничего путного от Светки я не ждала. Должно быть, она нашла спонсоров, чтобы издать свои труды тиражом в пятьсот экземпляров, решила я, уверенная, что ни один издатели не стал бы их печатать на свои кровные. Но мысль о том, что Светка вновь вторгнется в мою жизнь, пугала, и я туда не пошла.

Вечером, уже после презентации, мне позвонила наша общая преподавательница, дама экзальтированная и довольно язвительная. Звонок весьма удивил. Прежде всего потому, что ранее звонить мне ей в голову не приходило. Я вообще очень сомневалась, что ей даже известен мой номер телефона. Еще больше поразили ее голос, звеневший от счастья, и неумеренные похвалы в адрес поэтической книги Светланы Старостиной.

— Это что-то потрясающее! — несколько раз повторила она. — Я пошла лишь из вежливости, а получила истинное удовольствие! Представьте, я и не подозревала, что она так талантлива. Серенькая мышка... и вдруг такое! Жаль, что вас не было, ваша подруга всех очаровала!

Я ответила в том смысле, что весьма сожалею, но меня никто не пригласил, и о презентации я ничего не знала. Думаю, это было простительное отступление от истины. И еще я добавила, что подругами мы уже довольно давно не являемся.

Отзыв дамы о стихах Светки привел меня в смущение.

ние. Хоть она и со странностями, но в здравом смысле ей не откажешь, да и литературный вкус у нее, безусловно, был. Выходит, Светка за время нашей разлуки преуспела и обзавелась талантом. Хотя я и не представляла, каким образом такое могло произойти.

Размышляла я об этом недолго, порадовавшись только, что ей в жизни хоть что-то все-таки удалось. Но когда через неделю в газетном киоске я увидела тонюсенький сборник стихов с нашим общим со Светкой именем на обложке, купила его и, не дожидаясь возвращения домой, принялась листать, сев в машину. Разгадка оказалась весьма неожиданной: собственные Светкины стихи были щедро разбавлены моими. Надо признать, выбрала она самые лучшие. Я не поленилась и произвела нехитрый подсчет: на восемь ее собственных — сорок два стихотворения мои.

Минут десять я весело смеялась, глядя в окно, потом призадумалась. Собственно, авторство волновало меня мало, тогда я считала свое стихотворство пройденным этапом, и то, что Светка урвала немного чужих восторгов банальным воровством, не очень-то удивило меня и ничуть не разозлило. Поступок вполне в ее стиле. Однако следовало признать: она нашла-таки способ остаться в моей жизни. Собственные мои стихи теперь вызывали у меня едва ли не отвращение. Как нашкодивший любовник, который спит с твоей подругой, а потом дрожит при мысли, что ты об этом узнаешь. Как будто мои чувства публично осмеяли и изгадили.

Выяснять со Светкой отношения я не стала, подозревая, что именно этого она и добивалась. Я зашвырнула книжку в бардачок и думать о ней забыла, но через месяц в газете появился рассказ, подписанный «С. Старостина». Рассказ был мой, но в редакцию его передала Светка, выдав за собственный. Стало ясно: в моем столе и компьютере она рылась не зря, меня еще ожидают сюрпризы. И они не замедлили последовать. Все восемь моих рассказов были напечатаны в течение трех месяцев. Свет-

ка приобрела литературную популярность в родном городе, ее даже пригласили вести семинар в университете.

У кого-то даже родилась идея выпустить книгу. Надеюсь, все-таки не у самой Светки, потому что из-за этого она оказалась в ловушке: на полноценную книжку восьми небольших рассказов было явно маловато, и ей предложили написать еще. Книжка все-таки вышла. Я хохотала во все горло, читая ее. Мои собственные идеи и замыслы, переданные корявым Светкиным языком, это было нечто. Но надо отдать должное — память у нее прекрасная.

Книжку заметили, в одной из газет появилась рецензия, где ее творчество определили как весьма неровное, в котором взлеты чередуются с падениями, «идея хороша, но автор не смог справиться с поставленной целью», и прочее в том же духе. Я ждала, что же последует за всем этим. И вот...

Темной ноябрьской ночью, которую я коротала в одиночестве, в очередной раз приехав в родной город, кто-то позвонил в дверь, и я пошла открывать, ничего особо подлого от судьбы не ожидая. На пороге стояла Светка. Мокрые пряди волос падали на ее лицо, она дрожала, точно брошенный котенок под дождем, и прошептала посиневшими губами:

— Пусти меня, пожалуйста.

Открывать дверь было глупостью, а впускать ее в дом и того хуже, но я вдруг подумала, что она, должно быть, часа три торчала под моими окнами, замерзла и вполне могла свалиться с воспалением легких. Так как я человек, не лишенный чувства сострадания, я позволила ей войти. Здравый смысл отступил.

— Вот, значит, так ты теперь живешь? — спросила Светка, устраиваясь в кресле. — А я часто хожу к нашему дому. Ты не сердись, что я говорю «наш дом»? — с видом испуганного подростка спросила она.

— Говори на здоровье, — кивнула я.

— А чаю можно? — Глаза ее широко распахнулись,

и я поняла, что мне предстоит увидеть все ее обычные фокусы.

— Лучше выпей коньяка.

Я налила ей рюмку, и она ее выпила, с благодарностью одарив меня улыбкой.

— Ты меня ненавидишь, — отдышавшись, произнесла Светка.

— С какой стати?

— Я знаю. Ненавидишь. — В ее голосе зазвучали нотки давно осточертевшей мне истеричности. Самое время вызвать ей такси... Я потянулась к телефону, но она схватила меня за руку, торопливо продолжив: — За те книжки. Да? Ты считаешь, я украла твои стихи?

— А ты сама как считаешь? — проявила я интерес.

— Это мои стихи! — вдруг убежденно сказала она. И взхлеб продолжила: — Я не умею объяснить, я бездарна... Но я чувствовала, что это мои стихи... Понимаешь? Ты сказала то, о чем тосковала моя душа...

— В следующий сборник включи Блока. Насколько я помню, по нему ты тосковала еще больше.

— Ты не понимаешь, — пробормотала она с горечью. — Почему ты выгнала меня из своей жизни? Разве ты не видишь, что ты и я, мы одно целое?

— Я вижу, что ты за это время так и не пришла в сознание.

— Зачем ты так? Так жестоко... так больно. Ты же знаешь, я никогда не хотела стать твоей любовницей... Ведь знаешь?

— Знаю, ты хотела большего: стать мною. Совершенная нелепица. Почему бы тебе для разнообразия не побыть самой собой?

— Меня нет, — заявила она с трагизмом. Актриса из нее тоже никудышная, и я непроизвольно поморщилась. — Ты жестока, ты так жестока... ты не хочешь понять... Без тебя я жива только наполовину, я дышу только наполовину...

— Я вызову такси, — попыталась я вернуть ее к реальности.

— Ты в самом деле думаешь, что это случайность? — ужаснулась она. — В самом деле думаешь, что просто так и ты, и я получили одно и то же имя, что мы обе родились пятнадцатого октября, почти в одно и то же время?

— Притянуто за уши. У нас три года разницы в возрасте. Ты, должно быть, забыла?

Светка действительно родилась пятнадцатого октября, как и я. И, по ее утверждению, также в восемь утра. А год рождения в паспорте она исправила, еще учась в университете. При смене паспортов это каким-то образом осталось без внимания, и благодаря новому паспорту она повзрослела ровно на три года. Если б помолодела, тогда еще было бы понятно, а тут сразу становится ясно, что имеешь дело с сумасшедшей.

— Я уверена, я уверена: мы родились в один час! Это не было случайностью! И то, что мы оказались в одном университете, на одном факультете, — промысел божий. Мы должны были встретиться!

— Скорее бесовская шутка, — усмехнулась я. — Загляни в Интернет, там есть рубрика «Найди однофамильца», Светлан в списках будет множество, и непременно кто-нибудь да родился пятнадцатого октября. В году всего триста шестьдесят пять дней, а в стране у нас сто сорок миллионов.

— Значит, по-твоему, это ничего не значит?

— Почему же? Это значит, что мы тезки и родились пятнадцатого октября.

— Иногда я тебя не понимаю. Я в самом деле тебе не нужна?

— Уверена, что ты прекрасно справляешься без меня, когда не загружаешь свои мозги всякими бреднями. Очень прошу, прекрати валять дурака и начни наконец жить собственной жизнью. Вот увидишь, тебе понравится.

— Ты не стала обвинять меня в воровстве, значит, ты тоже считала, что я имею право...

— Мне это просто безразлично. Мне безразлично

все, что ты делаешь. Отправляйся домой и не вздумай приходить или звонить мне...

Следующая наша встреча по-настоящему меня напугала. На журналистской тусовке по случаю новогодних праздников я вдруг увидела, что навстречу мне идет... женщина с моим лицом. Мне даже спрашивать было незачем, кто это.

— Ты спятила, — сказала я, когда она поравнялась со мной. Приходилось признать: врач, который делал ей операцию, потрудился на славу, сходство действительно было поразительным. — Ну и как тебе с моей рожей? — продолжила я, не дождавшись ответа. — Не жмет?

Вот тогда я поняла, что все зашло слишком далеко и становится по-настоящему опасным. И я приняла решение навсегда покинуть родной город и перебралась в Петербург. Развод с мужем это решение лишь укрепил, от него я тоже хотела держаться подальше, хотя и оставила себе его фамилию. Разумеется, моему желанию быть Алексеевой очень способствовал тот факт, что где-то по соседству бродит человек, у которого не только мои имя и фамилия, но и мое лицо.

Переехав в Санкт-Петербург, я в общем-то ожидала, что и там может появиться Светка, раз уж она и до сих пор проявляла такое завидное упорство в преследовании. Однако многомиллионный город — не губернский центр с населением в пятьсот тысяч человек, так что я надеялась, что все равно счастливо избавилась от нее.

В то время я работала в одной крупной газете. Каково же было мое изумление, когда в один из понедельников, шествуя по коридору редакции, я столкнулась со Светкой! К нам ей устроиться все-таки не удалось, но теперь она трудилась в редакции другой газеты, расположенной в том же здании, и мы регулярно сталкивались в лифте. Наше необыкновенное сходство бросалось в глаза, но Светкина хитрость к тому моменту осталась в далеком прошлом — должно быть, сказала ее неуемная любовь к гамбургерам. Однако она была последовательна в своих действиях, и вскоре я имела возможность

наблюдать ее необыкновенное преображение. Светка заметно похудела, и теперь нас действительно могли перепутать.

— Отлично выглядишь, — сказала я, когда мы в очередной раз столкнулись в лифте. — Еще одна операция?

— Ксеникал, — ответила она спокойно. В голосе ни язвительности, ни даже удовлетворения, лишь убежденность в своей правоте.

— Это что такое? — усмехнулась я.

— Швейцарский препарат, врач порекомендовал, — она достала из сумки коробочку с голубыми капсулами и показала мне.

— Отличное средство, — похлопав ее по плечу, сказала я. — Продолжай совершенствоваться.

Теперь мы вызывали недоумение и последующие бурные дискуссии у сослуживцев. Мне даже пришлось сменить кафе, где я обычно обедала, чтобы ненароком не оказаться со Светкой за одним столиком.

Поднимаясь как-то в лифте (народу набилось, точно селедок в бочке), я обратила внимание на довольное выражение физиономии Светки, которая снова оказалась там вместе со мной. Пожалуй, даже слово «довольное» не подойдет — на самом деле она просто светилась от счастья и наградила меня улыбкой победителя.

Надо сказать, что в то время я впервые по-настоящему влюбилась. Конечно, я влюблялась и раньше. По крайней мере, была убеждена в этом. Однако, только встретившись с Валеркой, я поняла, как заблуждалась. Не скажешь, что в парне было что-то особенное, во всяком случае на первый взгляд, но башню мне снесло начисто, и я всерьез решила еще раз кардинально изменить свою жизнь, чтобы идти по жизни с ним рядом.

Правда, впоследствии оказалось, что наши взгляды на сей предмет были диаметрально противоположны, но тогда, в лифте, я была уверена, что счастье мне обеспечено как минимум на ближайшие двадцать-тридцать лет, и победный Светкин взгляд вызвал у меня маету в душе и слабость во всех членах. Оттого я предприняла

кое-какие шаги, чтобы обнаружить причину ее бурной радости: немножко понаблюдала за ней, но не обнаружила ничего подозрительного. Тогда я решила заглянуть в ее офис. На ее столе стояла фотография в рамочке: я и Валерка. То, что на фотографии была я, а не Светка, сомнений не вызывало — абсолютным наше сходство все же не было, а я способна отличить саму себя от этой чокнутой, но сам факт впечатлял и настораживал. Оказывается, она бродила за мной по пятам и даже смогла сделать фотографию так, что я этого не заметила.

Я вертела фотографию, размышляя, что делать. Можно фотографию забрать, но Светку это лишь порадует. Ей станет ясно, что я проявляю беспокойство. К тому же неизвестно, сколько у нее подобных фотографий. В любом случае напечатать такую же ей никакого труда не составит, и выходит, лишится она лишь рамки.

Я поставила фотографию на место и покинула офис. Вечером, встретившись с Валеркой, всерьез подумывала предупредить его, но это показалось мне глупостью: даже если Светка попытается свести с ним знакомство, обмануть его она не сможет. Он разумный парень, к тому же, как я успела заметить, наблюдательный. Следовательно, выдать себя за меня у нее не получится, а соперниц я не боялась.

О фотографии я ему тоже ничего не сказала, не желая долгих объяснений по поводу Светки. К тому моменту я уже решила, что терпению моему пришел конец и мне придется предпринять некоторые шаги. Я обратилась к людям, которые умеют убеждать, и через несколько дней Светка покинула редакцию, но еще упрямылась, не желая уезжать из Петербурга. Устроилась в другую газету — я видела материалы за ее подписью, как всегда, совершенно бездарные. И с новой работой Светке пришлось уйти, ее преследовала череда неудач, которые она, скорее всего, и воспринимала как неудачи, а не как чью-то злую волю. Вряд ли ей пришло в голову, что они каким-то образом связаны со мной, раз долгих пять лет я проявляла завидное терпение. В конце концов Светка

уехала и, как мне казалось, исчезла из моей жизни навсегда.

Не стовариваясь, мы разделили территорию: она обрелась в моем родном городе, а я поклялась, что никогда туда не вернусь. Тем более что к тому моменту мой отец умер от инфаркта, а мама после долгих колебаний перебралась в Германию к своей младшей сестре. На этом я и поставила точку в нашей истории.

Как оказалось, напрасно. Светка погибла, и я, не чувствуя ни особого горя, ни тем более удовлетворения, не могла просто так отмахнуться от данного факта.

Сделав очередной круг по парку, я устроилась на скамейке, подставив лицо солнцу. Мысли вдруг покинули меня, было хорошо просто сидеть, безвольно опустив плечи, греться на солнышке и ни о чем не думать.

Совершенно неожиданно я представила Валерку. Настолько ярко, что почувствовала его запах и даже прикосновение. То, что мысль о нем пришла мне сейчас в голову, неудивительно, раз уж я сегодня вспоминала свою историю. Странно то, что я позволила этой мысли настолько завладеть мной.

Обычно мысли и воспоминания о Валерке я поспешно гнала прочь, пока они не успели причинить боль. Мы прожили вдвоем две недели, потом я уехала на пару дней, а вернувшись, не обнаружила ни его, ни его вещей, ни записки, которая бы это исчезновение как-то объясняла. Вряд ли он принял решение оставить меня за те два дня, что я отсутствовала, следовательно, с самого начала знал, что любовь наша ненадолго, не то непременно посвятил бы меня в свои планы.

Я хотела убить себя, потом хотела найти его... Я много чего хотела, но не сделала ничего. Есть события, которые надо просто пережить. По возможности — без бурной деятельности, чтобы не тянулся длинный шлейф последствий и поступков, которых ты всю оставшуюся жизнь будешь стыдиться, пытаясь забыть. А так: было и нет. И не было. Вообще никогда.

Наверное, проявив настойчивость и обратившись

к нужным людям, я бы узнала, где он, и разобралась бы в причине такого жестокого поступка по отношению ко мне. Но дело это являлось для меня настолько личным, что даже просто говорить о Валерке с кем-то я не могла. За что теперь благодарю судьбу и свой здравый смысл.

Я поднялась со скамейки, снова напомнила себе про зонт и побрела домой. Мысли в голове текли неторопливо, в такт шагам, я шурилась на солнце и даже улыбалась. Вечером, ложась спать, я была убеждена, что увижу во сне Светку. Раз уж она и раньше вторгалась в мою жизнь с завидным упорством, сегодня самое время. С тем и уснула.

Не помню, что мне снилось, но точно не она, однако в половине пятого утра я проснулась с ощущением тревоги и беспокойства. Стало ясно: больше не усну. Я прошлась по комнате, чувствуя, что тревога все нарастает. Выпила на кухне чаю. Ощущение было не из приятных — будто кто-то стоит за спиной.

— Эй, если это ты, дай знать... — позвала я. И тут же пожалела о своей шутке: свет внезапно погас и сразу вспыхнул вновь. — Здорово, — похвалила я и вздохнула.

Есть вещи, над которыми лучше не ломать голову, их надо просто записать в случайности. Поэтому голову ломать я не стала, кивнула, еще раз вздохнула и направилась к компьютеру. Светкин сайт нашла без труда. Сайт без фантазии, зато с претензией, как все, что она делала. Удивление вызвало лишь одно обстоятельство: она зачем-то поместила здесь ту самую фотографию, где я с Валеркой. Подпись под ней: «Я с другом». Неужели рядом с ней не было ни одного мужчины, который заслужил этой подписи? Или и это она сделала, чтобы досадить мне?

Против желания я уставилась на фотографию, пытаюсь представить, что было бы со мной, не сбеги тогда от меня Валерка? Я была бы счастлива? Была, не была... Ага, вот и сообщение о гибели Светки. Ничего конкрет-

ного — «трагически погибла... ведется следствие». Ясно, что здесь мне не найти интересующие меня сведения. Я решила просмотреть губернские газеты за тот период. Ого, смерть Светки вызвала шквал публикаций! Я читала их одну за другой, но в них было больше эмоций, чем фактов. Поначалу все сходились во мнении, что убийство носит некую политическую окраску: за два месяца до гибели Светка в цикле статей обвинила вице-губернатора в хищении и взятках.

Я нашла эти статьи, прочитала. Хм, вице-губернатор должен быть таким же идиотом, как и она, если Светкина стряпня сподвигла его на столь решительные действия. Впрочем, кто сказал, что вице-губернатор не может быть идиотом?

Я вернулась к публикациям после ее смерти. Постепенно тон их начал меняться. Через месяц после гибели вышла статья, подписанная некой Л. Кудрявцевой. Такой журналистки в родном городе я не помню, следовательно, кто-то из новеньких. Кудрявцева первой предложила версию, что это убийство может быть ритуальным. «Кое-какие моменты позволяют предположить...» Что еще за «кое-какие»? Так, что дальше? Последнее время Светка интересовалась оккультизмом, встречалась с профессором Сергеевым и, по его мнению, готовила цикл статей, возможно даже, проводила журналистское расследование. «Сохранилось множество записей, жаль, что составить по ним представление, о чем С. Старостина собиралась писать, невозможно». Ничего удивительного, в Светкиной голове царила такая сумятица, что она сама толком ничего не знала.

Третья версия убийства напрашивалась с самого начала: это дело рук маньяка. Вспоротый живот, жертва умирала мучительно, и муки ее продолжались не менее двух часов. Человеку в здравом уме, даже киллеру, такое вряд ли придется по вкусу. Киллер делает выстрел, максимум два, и уходит с чувством выполненного долга, как он это себе представляет. Конечно, встречаются киллеры-психи. И все-таки заказное убийство казалось мне

наименее вероятным. Значит, либо маньяк, либо ритуальное убийство. Ранее маньяками родной город похвастать не мог, да и сатанисты не досаждали. Я о них, к примеру, вовсе не слышала. Профессора Сергеева я помнила. Как-то даже брала у него интервью. Чего от него хотела Светка?

— Допустим, я поеду туда и попробую разобраться, — произнесла я вслух. Точно легкий ветерок прошел по комнате, а я усмехнулась. — Я сказала: допустим. — И вновь задумалась.

Я не уважала Светку, вряд ли когда-нибудь любила, иногда терпеть не могла, чаще презирала. Но мне не нравится, что он с ней сделал... Я вижу ее на цементном полу на какой-то стройке, с окровавленными руками, с внутренностями, выпавшими из вспоротого живота, с мукой в глазах... Долгая смерть на целых два часа. Слишком большая плата за бездарность, глупость и не любовь к себе. Слишком большая.

— О'кей, — громко сказала я. — Я его найду.

В квартире вдруг стало очень тихо. Вроде бы даже холодильник перестал работать, хоть ему и положено. Может, Светка была права и нас связывало нечто большее, чем одинаковые имена и дата рождения?

Я потерла лицо ладонями, а потом решила, что надо все-таки немного поспать. Сновидения меня не посещали. Проснулась я ровно в восемь, как и задумала. Позвонила нескольким людям, чтобы предупредить, что уезжаю по личному делу. Потом сходила за машиной на стоянку возле Синопской набережной. Пока шла, предавалась размышлениям на тему: может, я дурака валяю и ехать не стоит? Однако уже знала: ехать придется.

В общем, утренняя прогулка не избавила меня от вчерашних намерений. Взяв машину, я вернулась домой, минут за пятнадцать собрала вещи, выпила чашку кофе, взглянула на свою квартиру, стоя с сумкой в руке, буркнула «пока» и вышла во двор.

Бог знает откуда взявшийся кот устроился на капоте моей машины, позволил почесать себя за ухом, после